

Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского
Серия «Философия. Социология». Том 21 (60). № 1 (2008)

УДК 130.2

ФИЛОСОФСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ.

Рыскельдиева Л.Т.

В статье раскрывается специфика философского либерализма в контексте практической философии.

Ключевые слова: философский либерализм, практическая философия, либеральное мировоззрение.

Слово «либерализм» считается понятным для всех, оно включается в живой, обиходный язык и вызывает целый ряд ассоциаций. Чаще всего мы слышим о «пресловутом» либерализме и «посрамленных» либералах, а проблемы международной торговли, миграционной политики, борьбы с терроризмом и отстаивания национальных интересов все чаще дают основания для всесторонней критики и идейного отрицания основ либерального мировоззрения.

Известен тезис одного из главных либералов XX века, Людвиг фон Мизеса [см. 1], о том, что в полной мере программа либерализма не была реализована нигде, а те реалии, которые общественное мнение и массовое сознание относит на её счет – социально-экономическое положение США, Англии и других развитых стран – весьма далеки от того, что подразумевали под либеральной идеей её авторы и отцы-основатели. Согласиться с этим тезисом нетрудно, и в этой связи обращение к классическим истокам либеральной программы отвечает интересам неоконсервативной установки, все чаще заявляющей о себе в современной философской культуре. Зададимся вопросом о том, какие собственно философские идеи находятся или, может быть, должны находиться в основании многостороннего явления, называемого либерализмом. Первая и самая простая ассоциация со словом «либеральный» - «связанный со свободой», «свобода» здесь - ключевая коннотация, поэтому «либералы» представляются теми, кто «все разрешает», они склонны к новациям, противостоят защитникам традиций. В нашем массовом сознании либералы - это «западники», сторонники демократии, а при правлении либералов можно «все, что хочешь», так как, в конечном счете, на многое им наплевать. Борьба с деспотизмом и тиранией, за демократию и политические свободы, свобода предпринимательства, правовое государство и эмансипация женщин, права человека и разного рода меньшинств - вот примерный спектр основных проявлений либерализма. Другими словами, есть разного вида либерализмы – экономический, политический, правовой, вместе составляющие либеральную идеологию, которая с момента своего становления, с начала 19 века, с трудов Бенджамена Констана, Алексиса де Токвиля, Джереми Бентама и других, должна была оформиться и получить прочное философское обоснование, однако,

его до сих пор нет. Его отсутствие – не досадный просчет теоретиков и не историческая случайность, а следствие необычайной трудности и, как кажется, невозможности ясных и прозрачных рассуждений о свободе. История дала примеры такой философии свободы и освобождения, на основе которой стали возможны самые невероятные практические, социальные обстоятельства, в которых свобода не просто попиралась, но для этого поправки находились солидные идейные основания. Вместо того, чтобы, по старой традиции, использовать философию и брать из неё какие-то основания, поставим вопрос так: каким образом именно философ может понять, что такое либерализм, что такое либеральная философия? Или иначе: какая философия свободы дает такие возможности для её реализации, при которых свобода при её практической реализации вовсе не может быть попорана? Понятие «практическая реализация» сразу указывает на то, что мы находимся в сфере практической философии, а либеральная практическая философия должна быть практической философией свободы. Самый последовательный её вариант – практическая философия И. Канта.

Идея свободы в ней играет роль своеобразного «индикатора», обозначающего конец, границу теоретической философии, его этика – это практическая, то есть, не теоретическая философия. Конец или граница теории – антиномии, главная из которых – антиномия свободы. Идея свободы оказывается, с одной стороны, лишенной теоретического обоснования, но, с другой стороны, вовсе не противоречащей рассудку. Для Канта она – не фикция, и, будучи понятной для всякого разума, она становится его главным предположением, положением. Кант никаким образом не доказывает свободу, а непротиворечиво её полагает, в результате чего вся последующая, не-теоретическая, после-теоретическая философия становится её защитой. Можно сказать, что идея свободы в кантианстве играет роль «жесткого» ядра, для которого есть своеобразный защитный «пояс» практической, то есть не-теоретической философии. «Искать» свободу, «бороться за» свободу в кантианстве, можно сказать, уже поздно. Если ты понимаешь смысл антиномий и видишь их место в целом философского дискурса, то свободен, уже свободен. Критика теоретического разума, философская рефлексия уже выполнила свою эмансипирующую роль. Практическая философия говорит не о какой-то особой философской практике, а о той работе, которую может проделать разум как бы «после» освобождения и эта работа есть законодательство. Разум продолжает честно работать, то есть формировать понятия, понимать свободу, то есть самого себя. Результатом такой работы (в «Основах метафизики нравственности» [см. 2]) становится не интерпретация, не демонстрация и не определение, а именно анализ идеи свободы, её «расчленение»: метафизическую идею Кант понимает как, с одной стороны, «свободу от...» (негативное определение), а, с другой стороны, как «свободу для...» (позитивное определение). Негативная «свобода от...» – это свобода от себя как от естественного индивида, вписанного в систему внеположных мне закономерностей физического мира, от собственной чувственности, а позитивная «свобода для...» – это свобода меня как разумного морального индивида, способного на законодательство. Это законодательство, выносимое мной для меня же, есть первый акт, первый практический результат автономии свободной

воли разумной личности. Источником такого законодательства Кант считает долженствование, понятие которого позволяет ему сформулировать деонтологически корректный основной «закон свободы» как категорический императив. Деонтологическую корректность можно считать краеугольным камнем кантовской практической философии свободы. Что здесь имеется в виду?

Чтобы пояснить эту мысль, привлечем взгляды ещё одного признанного теоретика либерализма – Дж. Бентама, интеллектуальное наследие которого принято считать ярким антиподом кантианству: Бентам эвдемонист (опирается на идею блага), понятие «свобода» для него является фикцией, он резко критикует этику долга и саму идею долженствования. И, надо сказать, делает это остроумно и убедительно. Великий основатель критической деонтологии видит в идее долга и долженствования одну из многочисленных метафизических фикций, причем, такую, в которой таится опасность. Эта опасность связана с прагматикой основных выражений долженствования: «ты должен», «они должны», «мы должны» - это, по мнению Бентама, слова из вокабуляра моралиста, с их помощью он выражает свою волю или желание видеть то или иное действие совершенным. Сама ситуация такого практического морализирования для Бентама представляется насильственной, нарушающей автономию Другого, то есть, неправовой. Свое понимание автономии личности он формулирует в виде главного принципа своей деонтологии, согласно которому никто, кроме самого человека, не вправе судить о том, что ему должно или не должно делать. «Каждый человек есть наилучший судья самому себе при выборе той линии поведения, которая в каждом случае максимально способствует его благополучию... каждому человеку зрелого возраста и здравого ума должно быть позволено судить и действовать самостоятельно, и что всё, что может быть сказано и сделано другим человеком с целью направить поведение первого, есть не более чем глупость и наглость» [3, p.251] - чеканит он. Этот принцип можно считать одним из лучших выражений сути идеологии ненасилия, точнее, устранения самой возможности нарушения автономии Другого – интеллектуального насилия. Удивительным образом два идейных антипода – ригорист, сторонник деонтической этики И. Кант и утилитарист, сторонник позитивизма Дж. Бентам – единодушны в одном: личность как субъект морали свободна, а корректность прагматики долженствования определена рамками грамматики: первое лицо единственного числа. Другими словами, должен всегда только я. Именно деонтологическую корректность можно считать главной помехой для извращения или дискредитации идеи свободы на пути её реализации: только я как свободная и автономная личность вправе дать себе и следовать, реализовать на практике категорический, объективно-, то есть, общезначимый императив.

Ещё одно следствие деонтологической корректности кантовской философии свободы выражается в принципе ответственности, который в ней последовательно отстаивается. Он выражается в следующем.

Кроме вышеприведенного Кант дает (в «Метафизике нравов» [см. 4, с. 147-148]) ещё одно деление понятия свободы, которое полагает, во-первых, равенство как взаимонезависимость моральных личностей. Это значит, что мир морали автономен, а каждая моральная личность есть мир, целостный универсум.

Во-вторых, презумпцию возможности морального совершенства каждой личности, то есть, в таком универсуме высший суд есть моя судящая совесть, и в вопросах морали не может быть внешнего судейства. В-третьих, в случаях сомнительного права, свободу отказываться от внешних обязательств. На каком основании возможен такой отказ?

Говоря о праве собственности, то есть, о вещном праве, Кант вводит различие между человеком как *sui iuris* и человеком как *sui dominus*. Человек как *sui iuris* – это господин самому себе, буквально, «тот, кто правит сам собой», а человек как *sui dominus* – это собственник самого себя, «тот, кто собой владеет». Это различие существенно, и Кант утверждает, что человек может быть только *sui iuris*, править собой, то есть, давать закон самому себе – в этом смысл и его идеи автономии моральной личности. «Владеть самим собой» означает распоряжаться собой по своему усмотрению, по своему желанию – в этом проявляется гетерономия, свойственная всякой собственности, в этом смысле, «собственник» самого себя, каким хотел бы быть всякий раб, распоряжается собой как вещью. Если же я «владею» собой, то в пределе могу отказаться от свободы? Нет. Для кантовского *sui iuris* уже поздно. Кантовская автономная моральная личность уже свободна, свобода есть прирожденное неотчуждаемое право каждого, такую свободу бессмысленно требовать или завоевывать, здесь уже нет места процессу освобождения. Отвечая или неся ответственность за мою свободу, я уже не могу от неё отказаться и должен суметь совместить её со свободой каждого другого. Коль скоро это свобода не раба, а, наоборот, господина самому себе, то *sui iuris* правит только собой и не имеет права править Другим.

Что же я должен делать, к чему должен стремиться, если свободен? На это Кант не отвечает, не говорит ни о благе, ни о счастье, в его практической философии нет телеологии, так как цель этой философии уже известна, она же есть её основание, то есть, свобода. Практическая философия лишь защищает свободу, то есть источник морального законодательства. Кто и кому дает этот закон? Ещё раз: этот закон здесь - *auto potos*, закон самому себе как разумному, моральному индивиду, лицу человечества. Этот разум эмансипирует, освобождает от зависимости, то есть, от склонностей, желаний, чувственности. Такая свобода совсем не похожа на свободу в расхожем понимании - свобода делать «что хочу». Автономия - это непомерно трудная свобода, такая трудная, что некоторые философы увидели в ней бремя, тяжелую ношу, которую естественный индивид постоянно желает сбросить, осуществив «бегство от свободы». Эта свобода есть самопринуждение разумного существа, результат постоянного и трудного внутреннего диалога естественного индивида и моральной, «уже» свободной личности.

В процессе такого своеобразного диалога становится ясным тот главный смысл, который придает свободе её негативное определение: свобода от деспотизма и тирании (то есть, от Другого) необходимо сочетается со свободой от собственной чувственности, склонностей, ощущений и настроений (то есть, от себя). И если проявлением свободы от Другого как от власти может быть неучастие в инициируемых ею делах, то главное проявление свободы от себя – некая

«валеологическая дисциплина», своеобразное искусство жить здоровым. Неслучайно то, что в философии Канта появляется его знаменитая диететика [см. 5] как выработанная им самим дисциплина здоровья, искусство жить здоровым, основанное на очень простой мысли – мое здоровье в моих руках и никто, кроме меня, мне моего здоровья не даст. Здоровый образ жизни здесь – своеобразный автономный внутренний «диалог» разума с телом, а здоровье – средство защиты свободы разума, его независимости от тела (ведь вполне возможно, что зависимость разума от тела – главное следствие болезней, а зависимость тела от разума – главная их причина). Кантовский общественный идеал есть республика как совокупность моральных личностей, личностей, ведущих постоянный внутренний диалог с собой как природным, естественным индивидом. Его смысл или цель есть свобода, моральный императив – её свидетельство и защита, право при этом – это защита моральной автономии, а политика – это защита права, стоящего на страже моральной свободы. Спокойствие правового состояния такой республики призван защитить «вечный мир», а идеал «вечного мира», в конечном счете, есть мир ненасилия. Практическая философия кантовского типа есть последовательный философский либерализм, философия свободы со всеми возможными импликациями в область этики, политики, права и экономики.

Таким образом, либерал от философии, сторонник философского либерализма занимает чрезвычайно «неудобную» для себя позицию, удерживать которую весьма трудно – это позиция личности *sui iuris*, которая «правит» только собой и вполне смиренно отказывается от власти над Другим. Философ-либерал утверждает свободу не силой, а ненасилием, интеллектуальным в том числе.

Список литературы

1. Мизес Людвиг фон. Либерализм. – Челябинск: Социум, 2007.
2. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения в шести томах. Т.4, ч.1.- М., Мысль, 1965 – с. 219 – 309.
3. Bentham J. Deontology // Bentham J. Deontology together with a Table of the Springs of Action and the Article of Utilitarianism. – Oxford: Clarendon Press, 1983.
4. Кант И. Метафизика нравов в двух частях. Ч.1. Метафизические начала учения о праве // Кант И. Сочинения в шести томах. Т.4, ч.2.- М., Мысль, 1965.
5. Кант И. Спор факультетов // Пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна и др. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

Ryskeldieva L.T. Philosophical liberalism and Practical Philosophy.

The article deals with the specifics of philosophical liberalism within the context of practical philosophy.

Key words: *philosophical liberalism, practical philosophy, liberal outlook.*

Рискельдієва Л.Т. Філософський лібералізм і практична філософія.

У статті розкривається специфіка філософського лібералізму в контексті практичної філософії.

Ключові слова: *філософський лібералізм, практична філософія, ліберальний світогляд.*

Поступило в редакцию 11.10.2007